

Олег Ярёменко

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЕДИНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Справедливость рассматривается как степень реализации ценностно детерминированных ожиданий субъектов относительно их статуса, доступа к общественным ресурсам, труда и доходов и других существенных условий их жизнедеятельности. Доказывается, что экономически эффективная степень равенства зависит от ценностно-институциональной основы экономики и фаз циклического развития экономики. Показано, что устойчивые отклонения справедливости являются условием структурно-институциональных изменений, которые определённым образом привязаны к 50-летним циклам эволюции институциональных систем. Социальные риски реформ, которые ориентируются на глобальные процессы, в условиях кризисных явлений и неустойчивого роста в Украине могут приобретать критический характер. Обоснован вывод, что ограничение допустимых социальных рисков сверху должно быть обязательным элементом национальной стратегии социально-экономического развития.

Ключевые слова: эффективность, справедливость, цикличность социально-экономического развития, институциональная эволюция, инновации, социальные риски.

JEL: J38, J45, J50.

В условиях глобальных сдвигов и общего роста конфликтности мирового развития вопрос эффективности и справедливости приобретает всё большую остроту. Наличие экономических ресурсов и высоких технологий не гарантирует достаточного уровня удовлетворения общественных запросов равенства и справедливости. Усиливаются эффекты отчуждения человека от общества и экономики, что ограничивает возможности развития человеческого капитала. Результаты экономической эффективности имеют тенденцию к концентрации у наиболее богатых групп населения. Такие тенденции являются неприемлемыми с точки зрения долгосрочной стабильности современных социально-экономических систем. Отсутствие стихийного выравнивания доходов населения свидетельствует о наличии институциональных структур, которые сохраняют и воспроизводят социальное неравенство во всё больших масштабах. Вследствие этих соображений вопрос о противоречивом единстве экономической эффективности и социальной справедливости представляется актуальным как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Ярёменко Олег Леонидович (yaremenkooleg2@gmail.com), д-р экон. наук, проф.; ведущий научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта "Противоречивость экономической эффективности и социальной справедливости и пути обеспечения их комплементарности" согласно результатов конкурса научных проектов в рамках целевой комплексной программы научных исследований НАН Украины "Экономическая эффективность vs социальная справедливость: приоритеты развития Украины на этапе преодоления кризиса".

Существенной теоретической и практической проблемой является вопрос об источниках справедливости: кто должен быть поставщиком ресурсов и услуг, которые являются условиями реализации соответствующих ожиданий, – государство, рынки или гражданское общество? Сторонники неолиберального подхода (Ф. Хайек, В. Репке, Т. Саррацин) считают, что в конечном счете свободное движение ресурсов, капиталов и рабочей силы создаёт лучшие условия для эффективного использования ресурсов, реализации общественных потребностей и защиты тех групп населения, которые в этом нуждаются. Сторонники модели социально-ориентированной экономики (Дж. Стиглиц, А. Сен, Т. Аткинсон, Дж. Роллз) исходят из факта отсутствия в рыночной системе механизмов автоматического выравнивания и перераспределения доходов. Поэтому, по их мнению, система в целом должна строиться на социальных условиях и ограничениях, которые будут направлять рыночные силы в русло удовлетворения общественных потребностей, включая и потребности в справедливости.

Сегодня исследователи различных школ и направлений экономической науки много внимания уделяют противоречиям взаимного согласования критериев эффективности и справедливости в ходе приспособления хозяйственных систем к условиям глобальной нестабильности. Обращается внимание на наличие определённого социально-деструктивного потенциала инновационного развития, которое сопровождается снижением спроса на человеческие ресурсы и соответствующим разрушением рабочих мест (Berg et al., 2016. P. 10–13; Ghosh et al., 2016). Учёные, которые ориентируются на изначальное значение содержания институтов и социальных ценностей (Дж. Стиглиц, Д. Родрик), подчёркивают практическую значимость учёта ценностно-институциональных ограничений при выборе пути модернизации стран, отставших в своём развитии, и ставят под сомнение универсальную полезность стандартных рецептов МВФ относительно институциональных реформ (Ostry et al., 2016 P. 38–41; Radelet, 2016. P. 6–11).

Но возникает вопрос: можно ли вообще не ставить задачу создания эффективных рыночных механизмов в странах, которые сегодня находятся на траектории рыночного перехода? Активная критика так называемого Вашингтонского консенсуса без учёта состояния реальных социально-экономических и институциональных структур конкретной страны способна вновь завести реформы в тупик. На определённом интервале развития модернизирующаяся страна, независимо от политической риторики, вынуждена решать в первую очередь задачи развития национальной экономики, её модернизации и реконструкции.

На наш взгляд, в научной литературе недостаточно исследован конкретно-исторический динамический аспект оценок справедливости / несправедливости в экономике и обществе. Известная модель С. Кузнеца фиксирует закономерности динамики неравенства в соответствии с длительной динамикой производительности и технологического развития, но эта модель не рассматривает возможность регулярных колебаний внутри долгосрочных интервалов. С практической и теоретической точки зрения есть смысл попробовать выделить колебания в измерениях равенства / неравенства в связи с другими проявлениями цикличности социально-экономического развития.

Ещё одна проблема связана с границами корректного отождествления справедливости и равенства в экономике. С терминологической точки зрения корректность такого отождествления достаточно узка: далеко не всякое равенство является справедливым, и не всякое неравенство является несправедливым. Сложность и структурированность социальных систем требует определённого уровня неодинаковости их элементов по различным критериям, которые необязательно противоречат условиям справедливости. Но по факту состояние общества по шкале справедли-

вость / несправедливость чаще всего оценивается с помощью индекса Джини, что иногда скрывает существенные события и условия.

То есть для большей адекватности исследования комплементарного единства эффективности и справедливости необходимо установить ценностно-институциональные и динамические условия корректности анализа. Это означает, что адекватная степень равенства, во-первых, зависит от ценностно-институциональной основы экономики, во-вторых, она сложным образом зависит от фаз циклического развития экономики. Оценки неравенства как справедливой или несправедливой не могут абстрагироваться от этих условий. Таким образом, для целей концептуального обоснования стратегии формирования и развития социальной рыночной системы в Украине необходимо рассматривать экономическую эффективность и социальную справедливость как сопряжённые сущности в контексте локальных и глобальных трансформаций.

Проблема противоречия между целями эффективности и социальной справедливости в общественном развитии обостряется каждый раз, когда система подходит вплотную к радикальным изменениям. Великая рецессия, которая, так или иначе, затронула большинство стран, крайне ограничивает бюджетные ресурсы, которые могут быть выделены на обеспечение социальных гарантий. В то же время выполнение привычных для населения социальных функций государства прямо влияет на уровень доверия в экономике, а следовательно – на трансакционные издержки и эффективность использования ресурсов.

Недавно существенное уточнение к такому подходу предложил Насим Талеб. Он считает, что у многих устойчивых образований и социально-экономических форм вероятность их реализации на момент возникновения была достаточно низкой. Социальные формы инновационного характера являются результатом маловероятного стечения обстоятельств (чёрный лебедь). Заметим, что для Н. Талеба низкая вероятность не означает нулевую вероятность. Всё новое – это следствие нарушения симметрии и равновесия, то есть справедливости и эквивалентности. По этим причинам неравенство и несправедливость сопровождают возникновение устойчивого нового в обществе.

Справедливость – это степень реализации ценностно детерминированных ожиданий субъектов относительно их статуса, доступа к общественным ресурсам, труду и доходам и другим существенным условиям их жизнедеятельности. Справедливость отражает уровень социального порядка, имеющего минимальную энтропию. Если же ожидания субъектов, выполняющих институциональные предписания, не совпадают с социально-экономическими реалиями, то возникает оценка этих реалий как несправедливых, что, в свою очередь, усиливает энтропийные процессы в экономике. Проявлением такой энтропии служат снижение вероятности институционального поведения, усиление склонности к оппортунистическим практикам, снижение доверия, отказ от специализации и кооперации, переход хозяйственной системы на более низкий уровень равновесия.

Справедливость имеет два измерения – положительный и отрицательный. Положительное измерение ориентируется на равный доступ членов общества к результатам функционирования хозяйственной системы. Отрицательное измерение справедливости отражает требование равномерного распределения бремени расходов и потерь для всех членов общества в кризисных или катастрофических условиях.

Внешними условиями достижения социальной справедливости (внешними в том смысле, что они независимы от содержания справедливости как таковой) являются три момента: общеэкономическая и социальная инфраструктура, социально-экономические институты, система логистики. Если в обществе такие условия не созданы или недостаточны, то справедливость не может быть достигнута, несмотря на декларации и

формальные гарантии государства. *Инфраструктура* должна обеспечивать физические возможности хранения, транспортировки и распределения той части ВВП, которая выделяется обществом для незащищённых слоёв населения. *Институты*, санкционируя благотворительность и социальные гарантии для бедных групп населения, не должны парализовать стимулы автономного функционирования домохозяйств, и в то же время должны устанавливать правила и нормы социальной защиты. Универсальной системой *логистики* является рынок, поэтому разрушение рынка под лозунгами борьбы со спекулянтами и защиты бедных несёт неприемлемые риски для обеспечения хотя бы минимально справедливого уровня потребления.

Все три момента подлежат ограничениям со стороны эффективности – как в широком, так и в узком смыслах. Широкий смысл эффективности включает в себя как непосредственно объём произведённых товаров и услуг, так и воспроизведение институтов и ценностей, которые люди считают обязательными условиями своего социального существования. В условиях институционально-ценностной деструкции понятие справедливости приобретает формальный характер. В узком смысле эффективность – это уровень ВВП на одного занятого в экономике (национальная производительность) или на единицу потреблённых ресурсов. И первое, и второе понимание эффективности отводит экономическим результатам производства роль обязательной предпосылки обеспечения справедливости в экономике и обществе. Если экономика не может обеспечить инфраструктурно-логистические механизмы достижения общественной справедливости, то сама справедливость остаётся популистским лозунгом.

Можно выделить несколько уровней хозяйственной системы, где связь между эффективностью и справедливостью ощутима. Во-первых, это уровень структурирования социально-экономической реальности по широко известному принципу "пирамиды потребностей" А. Маслоу. Согласно такому подходу, справедливость – это своего рода роскошь, которую общество может себе позволить только на определённом уровне удовлетворения базовых потребностей человека. Такая концепция в наибольшей степени соответствует неоклассическому видению, согласно которому распределять и перераспределять можно только то, что реально произведено экономикой. Чем больше ВВП, тем больше та его часть, которая направлена на достижение целей социальной справедливости. Согласно такому подходу, сама по себе экономика является социально нейтральной, а её потенциальный вклад в справедливость заключается именно в экономической эффективности.

Возражения против такого подхода связаны с отсутствием гарантий направления достаточной части ВВП на цели социальной справедливости. Экономика, построенная на принципах социальной нейтральности, может автоматически ориентироваться на воспроизводство этих принципов во всей системе функционирования общества. Но, поскольку экономика существует не в вакууме, а в определённой социально-культурной и ценностно-институциональной среде, принципы социальной нейтральности экономики могут себя оправдывать как условие достаточной её эффективности на ограниченных временных интервалах и в ограниченном социальном пространстве. Дж. Стиглиц отмечает: "Правила игры имеют значение не только для эффективности экономической системы, но также и для распределения. Плохие правила ведут к менее эффективной экономике и к более разделённому обществу" (Стиглиц, 2015. С. 340)

Понимание экономической систем как сложного органического феномена, который не только функционирует, но и эволюционирует, даёт возможность увидеть некоторые специфические черты взаимосвязи между экономической эффективностью и социальной справедливостью на различных временных интервалах. В основу такого представления может быть положено эволюционное трактование кондратьевских волн экономи-

ческой конъюнктуры. Исходной может считаться тезис, который был обоснован самым Н. Кондратьевым: "Мы можем утверждать, что процесс развития любого народного хозяйства, протекая во времени, никогда не бывает более одного раза на одном и том же уровне, или на одной и той же стадии. Народнохозяйственный процесс в целом представляется необратимым процессом перехода от одной ступени или стадии на другую" (Кондратьев, 1989. С. 52).

Понимание развития экономики как процесса необратимых изменений даёт возможность найти особое место справедливости как эволюционного фактора. Справедливость не только имеет собственный конкретно-исторический смысл, что привязывает её к технологическому и институциональному уровню развития хозяйственной системы, но ещё является инструментом эволюционных изменений, которые определённым образом привязаны к 50-летним циклам. Как было в своё время показано автором, история промышленного капитализма в Англии и других индустриальных странах показывает, что 50-летние институциональные циклы хозяйственной эволюции прослеживаются достаточно чётко, хотя вопрос о механизме этой цикличности нельзя снять только таким описанием (Ярёменко, 1997).

Государственный социализм, от которого ведёт свой отсчёт экономика независимой Украины, был по-своему эффективной системой только благодаря тому, что политика тотальной этатизации хозяйственной жизни в СССР совпала с началом очередного К-цикла на рубеже 20–30 годов XX века, который характеризовался лидерством отраслей большого массового производства. Этот технологический уклад объективно требовал государственного вмешательства и государственных гарантий. Массовое производство однородной продукции, характерное для этого этапа, делало возможным и предусматривало усиление централизации. Подробная организация разделения труда требовала узкой специализации работников, делала их заложниками жёсткой производственной системы. Возникла необходимость дополнить существующие институты индустриального происхождения огромной системой государственного вмешательства, регулирования и государственных гарантий.

Очередная волна глубоких институциональных изменений начинается через пятьдесят лет и приходится на конец 70 – начало 80-х годов прошлого века. Именно в эти годы происходит изменение технико-экономической парадигмы (термин, предложенный Карлоттой Перес (Perez, 1983. Р. 357), когда лидерство принадлежит уже дисперсным гибким технологиям, плохо совместимым с государственной регламентацией и контролем. Промышленно развитые страны пережили в этот период болезненный и достаточно быстрый институциональный слом, который заключался в изменении соотношения государственных и негосударственных институтов. Эти процессы сопровождались ростом социальной напряжённости в обществе, обострением внутривнутриполитической борьбы и нестабильности, стагнацией старых отраслей, регионов и предприятий.

Китай начал реформирование своей институциональной системы именно в конце 70-х годов. Дэн Сяопин, как в своё время Сталин, просто успел до начала очередного К-цикла. Наша же страна отстала от кондратьевского ритма институциональных преобразований минимум на 15 лет.

Массовые институциональные сдвиги в национальной экономике невозможны, если она выглядит, во-первых, как эффективная по сравнению с внешними конкурентами, во-вторых, как справедливая в глазах большинства населения. Нарушение первого условия институциональной стабильности проявляет себя через ограничение доступа страны к ресурсам, рынкам и технологиям внешних конкурентов, а нарушение второго условия означает потерю легитимности из-за роста неравенства до чрезвычайных (неприемлемых) масштабов. Потеря государством доверия населения приводит к резкому расширению вариативного пространства ин-

ституциональных изменений. Несправедливость, которую испытывают широкие массы населения, – это, в некотором смысле, инструмент эволюции социальных форм.

В чём же причины 50-летних циклов институциональной эволюции? В биологии существует гипотеза, что продолжительность биологической жизни генерации является одним из основных факторов скорости эволюции вида: чем короче этот срок, тем быстрее может идти эволюция (Грант, 1991. С. 304). Изменение правил человеческого поведения привязано к функционированию поколений структуры социума.

Институты – это привычные (наиболее распространённые) нормы и стандарты деятельности, связанной с распределением, движением и использованием экономических ресурсов. Справедливость и привычность социальных форм идут рядом. Обычное чаще выглядит как справедливое, чем необычное. Поскольку данный вид эволюции, рассматриваемый нами (институциональный), означает изменения привычных для большинства людей форм жизнедеятельности, то очевидно невозможно чаще, чем один раз в 50 лет, существенно изменять институциональную систему общества, то есть целостную систему признанных всеми правил и способов хозяйственного поведения – в противном случае будут подорваны естественно-социальные механизмы передачи опыта и навыков от одного поколения к другому и произойдёт разрушение социума. Гибель СССР как политического образования была началом гибели советского социума.

С другой стороны, в глобальной индустриальной системе действуют механизмы конкурентного типа, которые заставляют участников вносить существенные изменения в институты не реже, чем это разрешается социобиологической детерминацией. Тем самым многократно дублированная обратная связь социальных и "до-социальных" предпосылок глобальной индустриальной системы порождает базисную 50-летнюю цикличность её эволюции. В 50-летних кондратьевских циклах проявляется фундаментальная связь биологических и социальных основ институциональной эволюции.

Выпадение страны из К-цикла, случайное или закономерное, может служить предпосылкой перехода к хаотическому сценарию, поскольку десинхронизация системы с внешней средой провоцирует возникновение режима движения с большим числом несоизмеримых частот внутри системы. Общая зависимость отсталой страны от внешних технологических и информационных потоков сохраняется в любом случае, но распространяется она не на все элементы одновременно. Возникает ценностно-институциональная двойственность (дисгармония), которая проявляется как несправедливость. В свою очередь именно массовая несправедливость создаёт ситуацию массового ожидания институциональных изменений.

В начале XXI века кондратьевские волны институциональной динамики индустриального типа прослеживаются менее чётко, чем это было в XIX–XX веках. Этому способствуют, как минимум, две группы новых факторов институциональной эволюции – факторы постиндустриального происхождения и факторы глобального происхождения.

Сегодня отмечается рост доли постиндустриального уклада в мировой экономике. Это приводит к тому, что постиндустриальные технологии начинают влиять на институциональные трансформации в сфере распределения полномочий между государством, корпорациями и домохозяйствами, и прежде всего – путём модификации норм и стандартов их взаимодействия. Хотя и постиндустриальные технологии происходят из индустриальной системы, зависят от неё и продолжают исторические траектории развития производственных сил, сложившихся много веков назад, их социальный потенциал (как конструктивный, так и деструктивный) является беспрецедентно мощным. Возникновение новых степеней свободы, новых социально-экономических рисков, новых измерений социальной конфликтности порождает сильные институциональные эффекты

(вплоть до тенденции сетевой деинституционализации хозяйственной жизни). Это способствует росту общей неопределённости цивилизационного уровня. В результате статус справедливости в качестве критерия принятия ответственных решений на государственном, корпоративном и индивидуальном уровнях снижается.

Кроме постиндустриальных факторов, сильные влияния на комплементарность экономической эффективности и социальной справедливости оказывают процессы глобализации. Текущая конкурентоспособность стран и их глобальный статус зависят, в первую очередь, от экономической эффективности их хозяйственных систем и адекватности институционального устройства. Наблюдаются несколько глубоких конфликтов, которые стимулируют институциональный поиск: конфликт между корпорациями и государством; конфликт между государством и гражданским обществом; конфликт между глобальной зависимостью и отсутствием действенных глобальных норм и правил сотрудничества, конкуренции и конфликтов.

Вынужденная институциональная открытость и сопряжённая с ней институциональная конкуренция порождают интенсивный процесс формирования, что противоречит устойчивой природе институтов как инструмента снятия неопределённости. Корпорации уже давно стали международными, транснациональными, глобальными, в то время как государство по определению остаётся национальным. Попыткой уравновесить глобальные влияния корпораций соответствующей силой государств является интеграция в различных формах и на различных уровнях, расширение полномочий межгосударственных институтов. Критерии справедливости / несправедливости в этих конфликтных процессах играют, мягко говоря, не первую роль. Поэтому социальные риски реформ, которые ориентируются на глобальные процессы, в условиях кризисных явлений и неустойчивого роста в Украине могут приобретать критический характер. Ограничение допустимых социальных рисков сверху должно быть обязательным элементом национальной стратегии социально-экономического развития.

Таким образом, существует определённая связь между справедливостью / несправедливостью и долгосрочной стабильностью социально-экономической системы. Состояние массовой несправедливости предшествует институциональным трансформациям. Несправедливость как рефлексивность институциональной системы через общественное сознание даёт возможность её преобразования путём реформ в справедливую, то есть такую, которая соответствует ценностям. Если воспользоваться терминологией В. Франкла (1990. С. 223), несправедливость как актуальное существование *ценностей переживания* через реализацию *ценностей со-зидания* ведёт общество к новой институциональной структуре.

Важную роль в положительном вкладе фактора справедливости в долгосрочную стабильность играют социальные лифты: если они эффективны, то справедливость, экономическая эффективность и стабильность некоторое время идут вместе. В условиях открытости иерархического измерения хозяйственной системы, с одной стороны, появляется возможность выделения инновационно-институционального статуса как более высокого, чем просто работника или потребителя, а, с другой стороны, он не воспринимается как несправедливый, и поэтому обеспечивает нужный уровень доверия, которое является предпосылкой инвестиционной активности. Объективно инвестор имеет более высокий общественно-значимый статус, чем потребитель: это и справедливо (он больше работает и рискует), и эффективно – относительно большая доля совокупного дохода тратится на прирост общественного богатства.

Наиболее мощными социальными лифтами являются качественное и доступное образование, научно-исследовательская и инновационная составляющая хозяйственной системы, рациональная бюрократия. На начальном этапе развёртывания очередной кондратьевской волны эффек-

тивность социальных лифтов является максимальной, но чаще всего снижается на последующих этапах. Если с помощью механизмов политической демократии и социального государства удаётся обеспечить относительно устойчивую эффективность социальных лифтов, то социально-экономическая система способна поддерживать необходимый уровень справедливости путём институциональных реформ. Если же социальные лифты теряют свою эффективность, то кондратьевская институциональная цикличность получает инструмент для конфликтных форм реализации в виде социальной нестабильности, конфликтов и катастроф.

Таким образом, условия поддержания достаточного уровня социальной справедливости и институциональной стабильности общества (качественное и доступное образование, высокий статус науки и инноваций, открытая рациональная бюрократия, политическая демократия) совпадают с условиями эффективности экономики, её устойчивого роста на длинных интервалах.

Советская система социальных лифтов на момент своего создания действовала не только через обновление кадров путём периодических чисток и массовых репрессий, но и через качественное и доступное образование и практическую поддержку научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельности военной направленности. Так называемый застой был прямым следствием формирования закрытой номенклатурной элиты, элитного образования и тотального подчинения рациональной бюрократии требованиям официальной идеологии, что превращало её в нерациональную бюрократию. Если первые советские маршалы были детьми рабочих и крестьян, то следующие поколения советского генералитета имели уже значительную прослойку детей и внуков маршалов. Безусловно, такая тенденция не является признаком советской исключительности, но в странах с политической демократией естественная экономическая и политическая элитарность государственной власти компенсируется конкуренцией и открытостью элит.

В Советском Союзе в 80-е годы прошлого века общее ощущение несправедливости усугублялось дефицитом потребительских товаров и услуг, а также парализацией социальных лифтов вследствие монополии партийной номенклатуры на власть. Так называемые привилегии номенклатуры, достаточно скромные с точки зрения масштабов сегодняшних разрывов в доходах населения в Украине, воспринимались как свидетельство официального лицемерия. Относительная безболезненность начала распада системы государственного социализма в СССР была обусловлена тем, что эту систему никто не захотел защищать.

Существенную взаимосвязь между справедливостью и эффективностью в экономике можно увидеть в контексте антициклического регулирования. Оптимальная управляемая антицикличность способствует их положительному взаимодействию, стихийная процикличность функционирования экономики сопровождается отрицательным взаимным усилением падения эффективности и ростом неравенства. Это обусловлено тем, что у недостаточно конкурентоспособных слоёв населения наименьшие возможности адаптации к кризисному падению их доходов и занятости: у них нет финансовых амортизаторов в виде сбережений, их человеческий капитал обесценивается очень быстро, а спрос на их труд в современных условиях является ограниченным.

Даже на стадии выхода экономики из кризиса могут возникать запаздывающие эффекты замедления положительной динамики доходов и занятости для социальных аутсайдеров вследствие структурных и технологических сдвигов и более жёстких институциональных условий доступа к рынку труда, которые вводятся под лозунгом борьбы с теневой занятостью. Если предельная социальная эффективность использования ресурсов в новых институциональных условиях будет ниже (что вполне вероят-

но на первых этапах институциональной реконструкции), то рост занятости в легальном секторе не сможет компенсировать потери занятости теневого сектора. Поэтому с точки зрения обеспечения надлежащей комплементарности эффективности и социальной справедливости борьба с теневой экономикой должна носить характер не только краткосрочных жёстких мер, а в первую очередь – долгосрочной национальной стратегии. Только понимая системный характер макроэкономического регулирования, социальной политики и мер по детенизации экономики, можно достичь целей устойчивого социально-экономического развития.

Таким образом, социальная ценность антициклического регулирования заключается в том, что оно даёт обществу возможность практического сочетания социальных и экономических критериев эффективности государственного управления. Процикличность экономических процессов естественным образом способствует росту неравенства, в результате чего периоды роста всё более сокращаются, а кризисы становятся всё более глубокими, ещё более опасными становятся социальные проявления увеличение неравенства.

Так называемые "здоровые государственные финансы" не являются достаточным условием перехода экономики на траекторию роста. Как отмечают специалисты Международного валютного фонда, в среднем консолидация бюджета на 1% ВВП приводит к росту долгосрочной безработицы на 0,6 п.п., повышая при этом значение коэффициента Джини на 1,5 п.п. за пять лет (Ostry et al., 2016. P. 40). При этом дискуссионным остаётся вопрос о причинах таких эффектов: то ли это неспособность не-олиберальной модели экономики как таковой, то ли это эффекты более ограниченных текущих ошибок государственной политики и рекомендаций международных институтов? Тем более, что МВФ в последнее время отказывается от "чрезмерного фанатизма" в процессах оздоровления государственных финансов, подчёркивая, что такая политика должна предусматривать использование среднесрочных и долгосрочных мер, которые не обещают мгновенного результата (Ostry et al., 2016. P. 40).

Ярко выраженным проциклическим фактором являются внешние заимствования. Как правило, доступ к ним максимально усложняется тогда, когда потребность в них является наиболее острой. Кроме того, связанное с внешними заимствованиями требование бюджетной консолидации прямо приводит к сокращению социальных расходов государства, больно бьёт по беднейшим группам населения. Возникает дополнительный эндогенный провал спроса, который почти автоматически ухудшает состояние бюджета. В этих условиях государство должно находить оптимум между сотрудничеством с внешними кредиторами и внутренним социальным давлением, имея в виду не только внешние проявления, но и его скрытый потенциал. Снижение доверия к государству может быть неочевидным, хотя общественные потери будут расти.

Сегодня суверенитет государства проявляется в способности найти баланс между условиями интеграции во внешнее технологическое, рыночное и институциональное пространство, с одной стороны, и ответственностью перед страной и её народом – с другой. Если внутреннее доверие является достаточным, то у государства более прочные внешние позиции, в том числе и по отношению к внешним кредиторам. Неопределённость относительно условий внешнего доступа к ресурсам и рынкам компенсируется внутренней консолидацией государства и населения. Так называемый "электоральный цикл" экономической конъюнктуры становится более сглаженным, что является положительным вкладом социальной справедливости в долгосрочную экономическую эффективность.

Большую опасность для комплементарного единства эффективности и справедливости несут в себе нерегулярные кризисные явления (шоки) различного происхождения. Их особая опасность заключается в том, что они плохо идентифицируются в рамках действующей парадигмы экономи-

ческой науки и практики, поэтому чаще всего государство прибегает к срочным мерам с позиций здравого смысла. Но здравый смысл – это концентрированный опыт успешных или ошибочных действий в прошлом. Если же кризисная ситуация уникальна, то использование предыдущих алгоритмов может затруднять выход из кризиса. Примером неадекватных действий в условиях шокового падения экономики могут служить антиинфляционные меры Национального банка Украины в 2014–2015 годах, когда кризис в экономике страны приобрел характерные признаки стагфляции. Фактическая политика монетарного сжатия, когда прогнозные показатели динамики денежных агрегатов (которые уже учли кризисное падение экономики и ускорение инфляции) не были достигнуты, не смогла остановить внутреннее обесценение национальной валюты, но способствовала затягиванию падения со всеми негативными социальными последствиями.

Существенно усложняет картину комплементарности эффективности и справедливости измерение "эндогенность – экзогенность". Например, если фактор "качественное и доступное образование" имеет чёткую внешнюю привязку путём доступности образования в других странах, то значение этого фактора как практической реализации принципа социальной справедливости внутри страны существенно снижается. Государство будет выглядеть как менее справедливое вследствие невыгодных для него международных сравнений.

В своё время Фома Аквинский отразил в понятии *справедливой* цены извечную связь экономической справедливости и социального статуса субъектов обмена: цена справедлива, если она обеспечивает для участников обмена уровень потребления, соответствующий их статусу в обществе. То есть ценообразование – это инобытие вертикально структурированного общества, которое воспроизводит себя в актах горизонтального рыночного обмена. Сегодня крайне опасной зоной пересечения ценообразования и статусного порядка украинской экономики становятся коммунальные тарифы и возможность их платить.

Долги населения могут быть урегулированы в судебном порядке, включая и отчуждение жилья. Однако это будет порождать крайнюю степень отчуждения человека. Крыша над головой сегодня является обязательным атрибутом любого социального статуса. Потеря жилья – это полная потеря статуса. Но уровень коммунальных платежей, связанных с содержанием жилья, фактически уже превышает совокупные доходы части домохозяйств. Если учесть, что расходы на питание составляют более 50% доходов домохозяйств в Украине, то последние стоят перед дилеммой: либо резко сократить уровень потребления до полуголодной нормы, или потерять жильё. Таким образом, существующие тарифы и цены, поскольку они не обеспечивают поддержание статуса, воспринимаются большинством населения как абсолютно несправедливые.

Одной из скрытых причин усиления неравенства и нестабильности является латентная активизация роли экономической власти в распределении и использовании общественных ресурсов, как на международном, так и национальном уровне. Сама по себе стабильная экономическая власть является органическим интегрирующим элементом любой хозяйственной системы, дополняя существующие основные рыночные и административные механизмы. Основанием для её функционирования является недостаточность потенциала эквивалентности и горизонтальных связей рыночной экономики, что требует наличия иерархий в движении и использовании экономических ресурсов.

Каждый раз, когда координирующего потенциала рыночных институтов не хватает для воспроизведения системы статусов, субъекты осуществляют обмены на основании экономической силы, что нивелирует значение факторов доверия и справедливости. И государство, и международные институты, и глобальные ТНК склонны прямо вмешиваться в распределение ресурсов для повышения своего статуса и усиления

экономической власти. В результате регулирующий потенциал рыночной конкуренции ослабевает. Такая экономическая модель формально остаётся рыночной и либеральной, но она лишена важных "встроенных" социальных стабилизаторов, что свидетельствует о необходимости новой волны социально-экономических реформ.

Два множества: множество "эквивалентных ситуаций" (когда необходимо принять решение об обмене) и множество "справедливых ситуаций" (когда критерием принятия решения является справедливость) – не тождественные, но пересекающиеся. Размеры зоны такого пересечения ограничены и зависят от многих обстоятельств, в частности от степени взаимного соответствия формальных институтов обмена, с одной стороны, и неформальных институтов и ценностей – с другой. Это означает, что с точки зрения принятия решений критериальный ряд "эквивалентность, равновесие, эффективность"² может быть более или менее близким к критериальному ряду "справедливость, честность, равенство".

Существенным условием, которое влияет на достижение критерия эквивалентности, является условие информационной симметрии / асимметрии. В зоне пересечения эффективности и справедливости информационная асимметрия негативно влияет и на эффективность рынков в целом, и на степень справедливости актов обмена. Таким образом, взаимосвязь эффективности и справедливости осуществляется через канал информационной симметрии / асимметрии. Преодоление асимметрии одновременно способствует и эффективности, и справедливости.

С учётом этих соображений, можно предложить нормативно обязать поставщиков финансовых услуг населению (речь идёт, прежде всего, о банках) предупреждать потребителей о рисках и возможных потерях, связанных с финансовой услугой. Такое "Предупреждение о рисках потребителя" считается неотъемлемой частью договора, оно должно иметь стандартизованную структуру и содержание и подписываться потребителем лично. Иначе соответствующий договор будет считаться недействительным.

Рисковая составляющая функционирования хозяйственной системы отражает влияние общих закономерностей взаимодействия эффективности и справедливости, одновременно предоставляя им определённые новые черты. В общем виде это может выглядеть как требование: кто претендует на более высокий, чем средний рыночный, уровень дохода, то должен нести более высокие риски. Претензия на более высокий доход без принятия дополнительного риска нарушает и требования справедливости, и условия равновесия системы в целом. Когда банки с помощью так называемых "кредитных дефолтных свопов" (CDS) почти полностью нивелируют риски "плохих" кредитов, получая при этом достаточные доходы, это означает, что риски перекадываются на систему в целом, на государство, а в конечном счёте – на плательщиков налогов.

Кредиты позволяют любому заёмщику получать прирост богатства, откладывая или перекадывая свои расходы и потери во времени или на других субъектов, на государство, на следующие поколения. Прежде всего, таким образом склонны действовать сами банки, привлекая относительно дешёвые ресурсы и перекадывая риски и потери их выгодного размещения на других. Примером может служить рекапитализация проблемных банков (в первую очередь с иностранным капиталом) в Украине в 2009–2010 годах за счёт фактически принудительного кредита МВФ, то есть в конечном итоге за счёт украинских налогоплательщиков.

Такого рода оппортунистическое поведение свойственно и населению, что является его "вкладом" в ухудшение дел в сфере справедливости. Как известно, в соответствии со ст. 26 Закона Украины "О системе

² В этом случае мы опираемся на предположение М. Алле, что состояние равновесия эквивалентно состоянию максимальной эффективности.

гарантирования вкладов физических лиц", Фонд гарантирования вкладов физических лиц (ФГВФЛ) гарантирует каждому вкладчику банка возмещение средств по его вкладу. Фонд возмещает средства в размере вклада, включая проценты, по состоянию на день начала процедуры вывода Фондом банка с рынка³. Исключение из этих гарантий предусмотрено только для связанных лиц, перечень которых приведён в ст. 52 Закона Украины "О банках и банковской деятельности".

Благодаря гарантиям вкладов физических лиц, вкладчики склонны искать банки с максимальными депозитными ставками, не заботясь проблемами надёжности банков. В свою очередь это даёт возможность неэффективному банковскому менеджменту привлекать средства населения и скрывать до поры до времени разрывы, ошибки или прямые злоупотребления. Реальный риск слишком высоких депозитных ставок раскладывается на всё общество и фактически наказывает осмотрительных вкладчиков, что является нарушением социальной справедливости.

Поэтому ФГВФЛ должно гарантировать компенсацию возможных потерь вкладчика только в пределах средних рыночных ставок по банковской системе на момент заключения депозитного договора. Избыток над средней ставкой должен рассматриваться как рискованный доход вкладчика, который не может быть гарантированным, о чём его предупреждают при заключении депозитного договора и отражают это в части, в которой говорится о депозитных ставках. Сам факт ограничения гарантий со стороны государства по слишком высоким депозитным ставкам будет означать сжатие возможностей смещения риска неосмотрительных вкладчиков на налогоплательщиков. Это будет способствовать более адекватному риск-менеджменту банков, преодолению информационной асимметрии и обеспечению принципов социальной справедливости.

Выводы. Справедливость является отражением такой степени общественного порядка, при которой социальная система занимает энергетически выгодный уровень и оптимально использует доступные ей ресурсы для воспроизводства и развития своей идентичности. В условиях несправедливости значительная часть социальной энергии тратится в разрушительных формах, что является серьезным энтропийным фактором и способствует размыванию идентичности. Таким образом, на длинных интервалах (в конечном счёте) социальная справедливость является условием экономической эффективности, а экономическая эффективность способствует достижению приемлемого уровня справедливости. Но единство этих двух центральных категорий социально-экономического развития является относительным и противоречивым.

Противоречивое единство экономической эффективности и социальной справедливости в поддержании равновесия экономических систем реализуется через устойчивые (институционализованные) и ситуативные каналы их взаимодействия.

Положительная связь между социальной справедливостью и экономической эффективностью обеспечивается через канал доверия (к государству и денежной единице, к банковской системе, к корпорациям). В условиях денежно-кредитной нестабильности, высокой инфляции и макрофинансовых рисков бедные группы населения теряют гораздо больше, чем богатые. Макроэкономическая нестабильность приводит к перераспределению бремени общественных потерь на бедные группы населения. Явление запредельной бедности (нищеты) является одним из самых опасных для общества проявлений неравенства. Учёт социальных эффектов восстановления макроэкономической стабильности является обязательным условием эффективной социальной политики государства.

³ Закон України "Про систему гарантування вкладів фізичних осіб". Відомості Верховної Ради України, 2012, № 50, с. 564

Долгосрочное положительное влияние на экономическую эффективность справедливость вызывает через канал человеческого капитала, способствуя его максимальному использованию и развитию. Ошибка некоторых современных неолибералов (Т. Саррацин) заключается в недооценке риска возникновения долгосрочной институциональной ловушки неравенства, которая может воспроизводить себя на всё более глубоком уровне.

В этом же направлении действует канал уровня мобильности рабочей силы: если отраслевая и региональная дифференциация доходов является справедливой, то общественные расходы, связанные с миграцией рабочей силы, компенсируются приростом общественной производительности. Но при условии оценки дифференциации доходов как несправедливой миграция может принимать хаотический характер и чрезмерные масштабы, что обязательно будет снижать эффективность экономики.

С точки зрения влияния фактора экономической эффективности на социальную справедливость наиболее действенными следует признать каналы ценовой стабильности, занятости и развития внутреннего рынка. Эти три направления государственной политики в определённых условиях следует рассматривать как наиболее социально значимые.

Несмотря на в целом положительное влияние экономического роста на ресурсные и финансовые возможности обеспечения социальной справедливости, следует отметить и социальные риски, которые при определённых условиях могут реализовываться. Быстрые структурные и технологические изменения приводят к снижению занятости и, соответственно, доходов наименее конкурентоспособных групп населения. Кроме того, финансовая стабильность как составляющая условий устойчивого экономического роста может достигаться за счёт снижения социальных выплат, что приводит к увеличению неравенства в обществе. Этот риск может стать вполне реальным в условиях усиления давления на Украину со стороны внешних кредиторов. Долгосрочная стратегия развития социальной рыночной экономики должна учитывать те ограничения, которые возникают из наличия негативных взаимных влияний экономической эффективности и социальной справедливости.

Возможные негативные влияния политики "справедливость прежде всего" связаны с избыточной социализацией хозяйственной системы. Во-первых, справедливость как критерий в тенденции ограничивает дифференциацию доходов и поэтому может ограничивать стимулы для конкуренции, рисков и инноваций. Поэтому отрезок растущей экономической отдачи социальной справедливости является относительно коротким, что государство должно учитывать в своей социальной политике.

Во-вторых, в условиях жёстких бюджетных ограничений справедливость частично может обеспечиваться за счёт сокращения инвестиций, что будет иметь негативные долгосрочные последствия для роста и поддержания макроэкономического равновесия. В-третьих, попытки государства любой ценой обеспечить текущий рост равенства может способствовать чрезмерному спросу и росту цен, что уже в среднесрочной перспективе оборачивается большими социальными потерями. В-четвёртых, чрезмерная социальная экспансия государства может сопровождаться сужением полномочий домохозяйств и гражданского общества, несёт риски роста государственного долга и сокращения текущих социальных разрывов за счёт будущего благосостояния и конкурентоспособности страны.

В идеале украинское государство должно стараться достичь справедливой эффективности и эффективной справедливости. Понимание системной природы взаимных ограничений и влияний экономической эффективности и социальной справедливости должно быть положено в основу национальной стратегии формирования и развития социальной рыночной экономики.

Литература

- Грант В. (1991). Эволюционный процесс. Критический обзор эволюционной теории. М.: Мир. С. 304.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. С. 52.
- Роллз Дж. (2001). Теорія справедливості: пер. з англ. О. Мокровольський. К.: Вид-во Соломії Павличко "Основи". С. 340.
- Франкл В. (1990). Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и с нем. М.: Прогресс. С. 223.
- Яременко О.Л. Переходные процессы в экономике Украины: Институциональный аспект. Х.: Основа. 1997. – 186 с.
- Berg A., Buffie E.F., Zanna L.-F. (2016). Robots, Growth and Inequality. *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 3. P. 10–13.
- Ghosh, Atish R., Jonathan D. Ostry, and Mahvash S. Qureshi (2016). When Do Capital Inflow Surges End in Tears? *American Economic Review*, vol. 106, No. 5.
- Ostry J. D., Loungani P., and Furceri D. (2016). Neoliberalism: Oversold? *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 2. P. 38–41.
- Perez C. (1983). Structural Change and Assimilations of New Technologies in the Economic and Social System. *Long Waves in World Economy*. L., 1983. P. 357.
- Radelet S. (2016). Africa's Rise – Interrupted? *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 2. P. 6–11.

References

- Grant V. (1991). Jevoljucionnyj process. Kriticheskij obzor jevoljucionnoj teorii [The evolutionary process. A critical review of the theory of evolution]. Moskva: Mir. P. 304. (In Russian)
- Kondrat'ev N.D. (1989). Problemy jekonomicheskoy dinamiki [The problems of economic dynamics]. Moskva: Jekonomika. P. 52. (In Russian)
- Rollz Dzh. (2001). Teoriia spravedlyvosti [A Theory of Justice]: per. z anhl. O. Mokrovolskyi. Kyiv: Vyd-vo Solomii Pavlychko "Osnovy". P. 340. (In Ukrainian)
- Frankl V. (1990). Chelovek v poiskah smysla [Man's Search for Meaning]: sbornik: per. s angl. i s nem. Moskva: Progress. P. 223. (In Russian)
- Jaremenko O.L. Perehodnye processy v jekonomike Ukrainy: Institucional'nyj aspekt [Transients in Ukraine's economy: The institutional dimension]. Har'kov: Osнова. 1997. 186 p. (In Russian)
- Berg A., Buffie E.F., Zanna L.-F. (2016). Robots, Growth and Inequality. *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 3. P. 10–13. (In English)
- Ghosh, Atish R., Jonathan D. Ostry, and Mahvash S. Qureshi (2016). When Do Capital Inflow Surges End in Tears? *American Economic Review*, vol. 106, No. 5. (In English)
- Ostry J. D., Loungani P., and Furceri D. (2016). Neoliberalism: Oversold? *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 2. P. 38–41. (In English)
- Perez C. (1983). Structural Change and Assimilations of New Technologies in the Economic and Social System. *Long Waves in World Economy*. London, 1983. P. 357. (In English)
- Radelet S. (2016). Africa's Rise – Interrupted? *Finance & Development*, June, vol. 53, No. 2. P. 6–11. (In English)

Поступление в редакцию 17.10.2016 г.

CONTRADICTIONARY UNITY OF ECONOMIC EFFICIENCY AND SOCIAL JUSTICE AS A FACTOR FOR ECONOMIC SYSTEMS FUNCTIONING AND EVOLUTION

Oleg Iaremenko

Author affiliation : Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine. E-mail: yaremenkooleg2@gmail.com

In the article, justice is seen as a stage of realization of value-determined expectations of subjects regarding their status, access to public resources, labor and income, and other essential terms and conditions of their life. It is proved that the adequate (efficient) level of equality depends on the value-and-institutional framework of the economy and phases of the cyclic economic development. It is shown that persistent deviations of justice are a condition for evolutionary changes, which are in their own way related to the 50-year evolution cycles of institutional systems. Therefore, under the conditions of crisis and unsustainable growth in Ukraine, social risks of reforms, which are oriented to global processes, can acquire a critical character. The author justifies the conclusion that limiting allowable marginal social risk from above should be a mandatory element of the national strategy for socio-economic development.

Key words: efficiency, justice, cyclical economic and social development, institutional evolution, innovation, social risks.

JEL: J38, J45, J50.